

О ЛЕНИНСКОМ ЭТАПЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ *

М. Е. Найденов

Среди выдающихся ученых, чьи имена навсегда запечатлела история на своих страницах, имя великого Ленина занимает особое место. Теперь не только советские историки, но и многие представители зарубежной науки именно с деятельностью В. И. Ленина связывают развитие как самой истории, так и исторической мысли двадцатого столетия. В. И. Ленин обогатил множеством глубочайших положений историческую теорию марксизма, поднял на новую ступень методологию истории, создал удивительно стройную и цельную концепцию русского исторического процесса. Особенно большой заслугой В. И. Ленина является то, что он сумел теснее, чем кто бы то ни было, связать историческую науку с освободительной борьбой пролетариата.

Научные идеи В. И. Ленина, его методология и историческая концепция, его взгляд на историю как науку оказали огромное влияние на все отрасли советской историографии. Об этом красноречиво говорит тот факт, что в советской историографии вот уже в течение ряда десятилетий живет понятие «ленинский этап» в исторической науке.

Однако с течением времени в толковании этого термина стали обнаруживаться существенные различия. Отнюдь не претендуя на исчерпывающее решение всей проблемы ленинского этапа в развитии русской исторической науки, остановимся на двух вопросах: во-первых, каково научное содержание самого этого термина и, во-вторых, каковы хронологические рамки ленинского этапа, точнее, его начальная хронологическая грань, поскольку о конечной грани говорить не приходится, так как ленинский этап в исторической науке продолжается и в наши дни.

История исторической науки в России, как и в других странах, тесно связана с развитием общественно-политической мысли. Однако развитие политических идей обыкновенно опережает развитие профессиональной исторической науки. Поэтому этапы и периоды этих двух процессов далеко не всегда совпадают между собою.

Ленинизм как революционное учение составляет, безусловно, особый период в истории марксизма. Если ленинизм в узком смысле этого слова означает то новое, что внес в великое революционное учение Маркса В. И. Ленин, то, следовательно, хронологические рамки этого периода совпадают с периодом его революционной деятельности.

Но вопрос о хронологических рамках ленинского этапа в русской историографии решать по аналогии с только что сказанным невозможно, так как исторические воззрения В. И. Ленина, его историческая концепция с самого начала противостояли всем течениям профессиональной исторической науки в России. Если ленинское понимание как русского, так и мирового исторического процесса являлось от начала и до конца материалистическим, то исторические концепции, созданные все-

* Ряд положений статьи редакция считает спорными.

ми когда-либо существовавшими до него течениями в русской историографии, были идеалистическими; если историческая концепция В. И. Ленина отражала пролетарский взгляд на историю, то концепции профессиональных историков — взгляд буржуазно-помещичий; если ленинская концепция исторически обосновывала неизбежность гибели царизма и капитализма, то все течения профессиональной исторической науки при всех своих различиях в конце концов преследовали одну и ту же цель — исторически обосновать незыблемость существовавшего тогда порядка вещей. Таким образом, историческая концепция В. И. Ленина не только не продолжала существовавшую тогда в России историческую науку, но означала безусловный разрыв с ее основными канонами. Поэтому для определения начальной грани ленинского этапа в исторической науке придется поискать другие критерии. Однако никакие поиски не могут сулить надежды на успех, пока не будут выяснены содержание самого термина «ленинский этап в русской историографии» и его отношение к другому термину — «марксистско-ленинское направление в русской исторической науке». Выяснение содержания этих терминов тем более необходимо, что в последнее время часто вместо термина «марксистско-ленинское направление» употребляют термин «ленинский этап».

До сих пор историки были как будто единодушны в понимании термина «марксистско-ленинское направление» в русской исторической науке. Этим термином обыкновенно обозначали особое течение русской исторической мысли, сторонники которого в своих научных построениях отталкивались от принципов исторического материализма. Следовательно, марксистско-ленинское направление — это часть русской историографии, которая возникла и развивалась на базе исторического материала в неразрывной связи с пролетарским революционным движением. Термин же «ленинский этап» означает определенный период в развитии русской исторической науки. Какими же чертами должен характеризоваться этот период, чтобы иметь право называться ленинским этапом? В нашей литературе нельзя найти ответа на этот вопрос; без ответа же нет критерия для определения начальной хронологической грани ленинского этапа.

По нашему мнению, ленинским этапом может быть назван лишь такой период, который характеризуется преобладающим влиянием ленинских идей на все стороны развития исторической науки в России в результате усвоения научной методологии К. Маркса — В. И. Ленина и важнейших положений ленинской исторической концепции. Непременным признаком этого периода является разработка выдвинутой В. И. Лениным научной проблематики, а также совершенствование методики исследования источников на базе ленинской методологии. Наконец, этот период характеризуется сознательным стремлением, по крайней мере передовой части профессиональных историков, поставить историческую науку на службу пролетариату.

Нисколько не претендуя на безупречность данного определения, мы все же полагаем, что оно достаточно полно характеризует те особенности, благодаря которым ленинский этап отличается от всех других периодов в истории исторической науки. Нам представляется, что изложенная выше формула придает термину «ленинский этап» ту определенность, которая является непременным свойством любого научного термина, что лишь при этом толковании может быть оправдано его существование в советской историографии наряду с такими научными понятиями, как «марксистско-ленинское направление», «марксистско-ленинская историография» и т. п., так как ни одно из этих понятий не идентично с ним, а следовательно, и не может заменить его, точно так же как не может и он заменить ни одно из них.

Термин «марксистско-ленинское направление» старше термина «ленинский этап». Последний появился в советской историографии в начале 30-х годов¹, тогда как первый можно встретить на страницах журналов, издававшихся еще в дореволюционные годы. И в этом нет ничего удивительного, потому что и само марксистско-ленинское течение в русской историографии старше ленинского этапа в ее развитии.

Появление нового течения в науке обыкновенно связывают с выходом книг, содержащих принципиально иную трактовку ранее изучавшихся данной наукой проблем, новый подход к ним, а также ставящих новые научные проблемы, разработка которых вносит принципиальные изменения в содержание самой этой науки. Именно такой характер носили книги Г. В. Плеханова, вышедшие в середине 80-х годов прошлого века. Они были первой попыткой приложения марксизма к русской истории. Но эти книги не основали, а лишь обозначили новое направление в русской историографии, так как Г. В. Плеханов сумел подвергнуть марксистскому анализу лишь некоторые стороны русского исторического процесса в сравнительно узких рамках пореформенного периода. Окончательное оформление марксистского направления в русской историографии неразрывно связано с выходом в середине 90-х годов гениальных работ В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» и в особенности с выходом его труда «Развитие капитализма в России»². В этих работах В. И. Ленин осветил с марксистских позиций все важнейшие исторические эпохи, коснулся всех сторон русского исторического процесса, создав строго научную марксистскую концепцию его развития. В ленинских трудах история России впервые предстала как неотъемлемая часть мирового исторического процесса, характеризующегося закономерной сменой общественно-экономических формаций.

В. И. Ленин дал блестящий образец творческого приложения к русской истории марксистского учения об общественно-экономических формациях, составляющего стержень исторической теории марксизма, отметив в истории России, помимо первобытнообщинного строя, феодальную и капиталистическую формации. Он подверг всестороннему анализу их экономический базис, особенности политической надстройки, раскрыл реакционное влияние последней на базис в течение длительного времени, проследил перипетии классовой борьбы на протяжении многих веков. Особенно тщательно исследованию подверг он историю пореформенного развития России.

Изложенная в этих работах концепция русского исторического процесса явилась исходным пунктом в развитии марксистско-ленинского направления в русской историографии. Оно возникло и развивалось вдали от центров профессиональной науки, в подпольных кружках. Среди ее деятелей не было дипломированных жрецов науки. Ее двигали

¹ См. редакционную статью «Перестройка исторического фронта». «Борьба классов», 1932, № 2—3; А. М. Панкратова. М. Н. Покровский — большевистский историк. «Борьба классов», 1932, № 4; И. Токин. О большевистской партийности исторической науки. «Борьба классов», 1932, № 9—10; М. Лукин. Научная сессия, посвященная 50-летию со дня смерти К. Маркса. «Борьба классов», 1933, № 5; Арк. Ломкин. О ленинском этапе в исторической науке и задачах большевистских историков. «Историк-марксист», 1934, т. 31.

² Пользуюсь случаем, чтобы выразить свое удивление по поводу утверждения Л. В. Даниловой (см. «Исторические записки». Т. 76), будто «марксистское направление в советской историографии эпохи феодализма» оформилось лишь в начале 30-х годов, что означает фактически полное отрицание ленинского вклада в историческую науку, в которой еще в 90-х годах прошлого века В. И. Ленин упомянутыми выше трудами основал марксистское направление и в области исследования феодальной эпохи.

вперед бесстрашные революционные бойцы, сумевшие в глубоком подполье овладеть марксизмом — этим великим революционным учением, которому суждено было стать могучей силой, преобразующей мир.

И власти и так называемое «образованное общество» воздвигали на пути развития марксистско-ленинского направления в исторической науке бесконечные преграды: его сторонники подвергались преследованиям и травле; цензура не пропускала в печать написанные ими книги; их изгоняли отовсюду. Однако это направление продолжало не только существовать, но и развиваться, поднимаясь на новую ступень с каждым новым этапом пролетарского движения, захватывая в свою орбиту все более широкий круг научных проблем, оттачивая свою научную методологию, обогащая свою историческую концепцию.

Особенно большие заслуги в развитии этого направления в русской историографии принадлежат В. И. Ленину. Продолжая разрабатывать свою историческую концепцию, он научно обосновал историческую неизбежность буржуазно-демократической и пролетарской революций в России, создал теорию перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую и теорию пролетарской революции, которая (теория), как мощный прожектор, осветила путь освободительной борьбе не только российского, но и международного пролетариата. В своих работах В. И. Ленин достиг высшего синтеза, связав воедино прошлое и грядущее России.

Заметный вклад в развитие марксистской историографии внесли еще в дореволюционные годы видные большевистские теоретики, пропагандисты и публицисты, в особенности в освещении проблем, связанных с историей революционного движения, освободительной борьбой российского пролетариата, с историей первой русской революции.

Особая заслуга марксистско-ленинского направления в русской историографии состоит в том, что оно беспощадно срывало фальшивую маску объективизма с деятелей тогдашней профессионально-исторической науки, обнажая классово-буржуазное содержание их исторических построений. Марксистско-ленинское направление являлось передовым течением исторической мысли в России. В жестокие времена царизма, когда беспощадно подавлялась всякая живая мысль, когда свободно распространяться могли лишь реакционные идеи, марксистско-ленинская историография несла народу правду о прошлом и настоящем России и тем способствовала пробуждению масс, поднимала их на борьбу против своих угнетателей, за светлое будущее человечества. Хотя марксистско-ленинское направление не было профессиональным течением русской историографии, тем не менее именно ему принадлежало будущее исторической науки.

Безусловно, возникновение марксистско-ленинского направления является важнейшей вехой в развитии русской историографии. Оно знаменовало появление в России такой исторической науки, которая всеми своими корнями связана с интересами пролетариата и в служении его великому делу видела свое высшее предназначение. Время оформления (90-е годы) марксистско-ленинского направления в русской историографии является вместе с тем той хронологической гранью, которой датируется начало последнего периода в истории дореволюционной исторической науки в России, характеризующегося, с одной стороны, непрерывным процессом углубления идейного кризиса дворянско-буржуазной историографии, с другой — неудержимым подъемом марксистско-ленинской историографии вместе с подъемом пролетарского движения в стране и назреванием социалистической революции. Можно ли начало этого периода считать началом и ленинского этапа в исторической науке? Чтобы избежать ошибки, отвечая на этот вопрос, припомним к той обстановке, в которой зародилось и вплоть до 1917 г.

развивалось марксистско-ленинское направление в русской историографии.

Представим себе положение на фронте исторической науки в середине 90-х годов прошлого века. В России господствует дворянско-буржуазная историография. В школах изучают историю по учебникам, вышедшим из-под пера ее наиболее реакционных представителей. В университетах наряду с ними представлены и различные либерально-буржуазные течения (В. О. Ключевский, П. Н. Миллюков, А. С. Лаппо-Данилевский и др.). На книжном рынке и в исторической периодике царит «государственная школа», успевшая создать обширную историческую литературу. Изредка попадаются произведения народнической литературы, написанные с позиций субъективной социологии. Первые марксистские работы Г. В. Плеханова известны узкому кругу лиц, преимущественно социал-демократам. В этой обстановке в 1894 г. в гектографированном издании появляется замечательная книга В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», а в следующем, 1895 г.— другая его работа, «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», которая хотя и была напечатана типографским способом, но из тиража в две тысячи экземпляров уберечь от конфискации удалось лишь ничтожную часть.

Поэтому профессиональным историкам эти работы не были известны в момент их выхода. Впрочем, деятелям дворянско-буржуазной историографии были глубоко чужды идеи, излагавшиеся в ленинских работах. Поэтому ничего в принципе не изменилось и после того, как в конце 90-х годов одна за другой были легально изданы книги В. И. Ленина «Экономические этюды и статьи» (1898) и «Развитие капитализма в России» (1899), а в 900-х годах и другие его труды. И после этого в сочинениях профессиональных историков нельзя заметить сколько-нибудь определенных попыток использования хотя бы отдельных положений исторической концепции В. И. Ленина. И в этом нет ничего удивительного. Слишком крепко были привязаны даже самые талантливые и самые прогрессивные представители буржуазной историографии к интересам имущих классов, которые требовали от них непримиримой борьбы с марксизмом-ленинизмом — идеологической основой пролетарского движения, направленного на свержение политического и экономического господства этих классов. И они вели эту борьбу начиная с Б. Чичерина, одного из основоположников государственной школы, и кончая ordinарными профессорами, занимавшими университетские кафедры в канун Октябрьской революции. Кое-кто из них продолжал бороться против марксизма даже в годы Советской власти, когда марксизм-ленинизм стал уже господствующей идеологией в нашей стране.

Как известно, еще в 90-х годах прошлого столетия появилось особое течение в буржуазной общественно-политической мысли — легальный марксизм. Его представители классовым инстинктом поняли невозможность одолеть марксизм при помощи обычных буржуазных идей и, объявив себя сторонниками марксизма, попытались взять в свои руки его толкование и приложение к русской истории, предварительно выхолостив из него революционную душу. Именно в среде легальных марксистов сложилась теория экономического материализма, о которой М. Н. Покровский писал: «По этой наивной теории выходит, что если бы люди прекратили всякую борьбу за жизнь, свободу и счастье, сложив на пустой груди бесполезные руки, то история все-таки как-то продолжала бы идти механическим путем, наподобие заведенной шарманки»³. Поскольку легальные марксисты избрали такой способ борьбы с марксизмом, постольку, конечно, некоторые марксистские идеи в иска-

³ М. Покровский. Экономический материализм. М. 1906, стр. 14.

женном виде получили отражение в выходявших из-под их пера книгах. Но отраженный в этих книгах «марксизм» был орудием борьбы с революционным движением пролетариата в целях сохранения и укрепления режима наемного рабства.

Одним из способов борьбы буржуазии с марксизмом в России было замалчивание оригинальных марксистских работ, вышедших из недр российской социал-демократии. В тех же случаях, когда их нельзя было замолчать, буржуазная пресса прилагала все старания для того, чтобы извратить действительное их содержание, представить их противоречащими основным положениям марксизма. Так, когда в 1899 г. появился гениальный труд В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», некий П. Скворцов в рецензии, которая была опубликована в «Научном обозрении», попытался представить эту книгу как работу, противоречащую коренным положениям «Капитала», не останавливаясь для обоснования этой клеветнической оценки перед самыми грубыми искажениями ленинских мыслей и самой злостной фальсификацией.

При таком положении никак нельзя 90-е годы признать начальной хронологической гранью ленинского этапа. Ведь в русской историографии вплоть до 1917 г. господствовала дворянско-буржуазная наука в лице таких врагов марксизма, как П. Н. Милюков, А. С. Лаппо-Данилевский, А. А. Корнилов, В. О. Ключевский, и многих других.

Становление ленинского этапа в развитии исторической науки неразрывно связано с победой первой в истории человечества пролетарской революции, означавшей, помимо всего прочего, еще и победу пролетарской идеологии над буржуазной. В области идеологии она открыла эру торжества марксизма-ленинизма, эру становления, а затем и бурного развития на его основе всех общественных наук как профессиональных наук. Именно в этом смысле можно рассматривать Великую Октябрьскую социалистическую революцию как поворотный пункт в развитии исторической науки. Революционная практика российского пролетариата убедительнее самых остроумных теоретических аргументов обнажила научную несостоятельность методологии и исторических концепций, созданных дворянско-буржуазной историографией. В огне революции потерпели полное идейное банкротство все течения либерально-буржуазной историографии, а также все ее мелкобуржуазные разновидности. В то же время победа Великой Октябрьской социалистической революции неопровержимо доказала, что из всех течений исторической мысли, существовавших в России, лишь марксистско-ленинское направление являлось подлинно научным, так как лишь оно смогло не только раскрыть закономерности всемирной истории и русского исторического процесса как его неотъемлемой части, но и, опираясь на знание этих закономерностей, предвидеть грядущее развитие.

Естественно, что пролетариат, пришедший к победе под знаменем марксизма-ленинизма, не мог мириться с господством исторической науки, которая в течение веков идеологически обслуживала враждебные ему эксплуататорские классы. Созданное им Советское государство тотчас после своего возникновения приступило к осуществлению ряда мер, направленных на формирование такой профессиональной исторической науки, которая обслуживала бы его классовые интересы, способствуя своими средствами закреплению завоеваний Октябрьской революции, революционному воспитанию трудящихся масс, претворению в жизнь широкой программы коммунистического преобразования общества.

В этих целях по инициативе В. И. Ленина или при его непосредственном участии в противовес оставшимся от прежнего режима научным учреждениям, где буржуазная профессура продолжала держать в своих руках ключевые позиции, были образованы новые научные уч-

реждения, которые должны были стать центрами советской, то есть профессиональной марксистской, исторической науки: Социалистическая академия, коммунистические университеты, Институт Маркса и Энгельса, Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б) с разветвленной сетью истпартаов на местах, наконец, Институт красной профессуры. Коммунистическая партия направила на исторический фронт ряд партийных публицистов и пропагандистов, которые стали первыми деятелями этой новой науки. Среди них были такие видные партийные работники, как В. В. Адоратский, М. С. Ольминский, И. И. Скворцов-Степанов, В. А. Быстрянский, Ем. Ярославский, В. И. Невский, Н. Н. Батурин, П. Н. Лепешинский и другие. М. Н. Покровскому было поручено возглавить ее фронт.

С начала 20-х годов стал выходить ряд марксистских исторических журналов.

Таким образом, в условиях политического господства пролетариата потребовалось всего лишь несколько лет, чтобы подпольно существовавшее во время царизма марксистско-ленинское направление в русской историографии превратилось в профессиональную советскую историческую науку.

Однако скоротечность этого процесса отнюдь не означает, что он протекал гладко и безболезненно, без серьезных трудностей и издержек. Наоборот, становление советской исторической науки было сложным и трудным делом. Не станем распространяться об ее многочисленных врагах и трудностях, порожденных обстановкой гражданской войны и глубочайшей хозяйственной разрухи, поскольку ни то, ни другое не имеет прямого отношения к интересующему нас вопросу. Остановимся на идейном содержании самого этого процесса.

Казалось бы, что коль скоро Великая Октябрьская социалистическая революция подтвердила правоту ленинской концепции русского исторического процесса, созданной ее великим вождем еще во время царизма, то именно ленинская концепция, ленинская методология, ленинский взгляд на историю как науку и должны были стать идейной основой советской исторической науки с самых первых ее шагов. Возможно, что нашим потомкам, которых не будут интересовать детали процесса превращения марксистского течения в русской историографии в профессиональную советскую историческую науку, это так и будет представляться. Но нас, стоящих еще очень близко к периоду становления советской исторической науки, этот процесс интересует во всей его конкретности, ибо для нас часто то, что происходило тогда, еще воспринимается почти как современность. А ее нельзя оценивать лишь с точки зрения широкой исторической перспективы, так как при такой оценке могут быть упущены некоторые существенные детали, представляющие не только теоретический, но и практический интерес.

Само собой разумеется, что если труды В. И. Ленина оказывали огромное влияние на всех членов партии еще в период ее подпольного существования, то после Октября, когда В. И. Ленин стал во главе первого в истории человечества социалистического государства (а его работы печатались в официальной партийной и правительственной прессе), масштабы этого влияния должны были неизмеримо возрасти. Это влияние не могли не испытывать на себе в сильнейшей степени и деятели тогдашнего фронта советской исторической науки, что имело огромное значение для формирования их мировоззрения, а следовательно, и их исторических взглядов как его неотъемлемой части. Однако этим еще не исчерпывается суть данного вопроса.

К В. И. Ленину как к ученому нельзя подходить с той же меркой, с какой обыкновенно подходят к профессиональным историкам, так как она менее всего пригодна для анализа его научной деятельности и вы-

яснения той роли, которую он сыграл в развитии исторической науки. Ведь В. И. Ленин был по профессии не историком, а революционером. Если же в течение всей своей сознательной жизни он систематически работал в области истории, то именно потому, что был профессиональным революционером, ибо с тех пор, как марксизм победил в рабочем движении, стало невозможно быть сознательным революционером, не работая систематически в области истории и теории. Формулирование программных требований, разработка стратегии и тактики, наконец, жгучая потребность знать обстановку каждого дня — все это настоятельно диктовало необходимость изучения прошлого. Вот почему не только крупные труды В. И. Ленина, но решительно все его работы, не исключая даже самых небольших по размеру, проникнуты духом историзма и содержат решение огромного количества конкретно-исторических проблем, выводы и широкие обобщения. Великое множество такого рода обобщений, выводов, оценок и характеристик, касающихся самых различных сторон русского исторического процесса, помимо крупных работ, разбросано по многим сотням его статей, книг и брошюр, в которых наряду с ними освещен широчайший круг вопросов, относящихся к области философии, политической экономии, права и т. п. И все это огромное теоретическое богатство изложено в них в самом тесном переплетении с вопросами практической революционной работы, с проблемами, которые вставали перед большевистской партией, с насущными задачами пролетарского движения, образуя то цельное и всеобъемлющее революционное учение, которое еще в начале XX в. получило название «ленинизм». В таком именно целостном виде и воспринимали его соратники В. И. Ленина по революционной борьбе. В этой особенности сочинений В. И. Ленина в значительной мере, и коренится причина того, что советские историки в первые послеоктябрьские годы, находясь под сильнейшим влиянием ленинизма, не сумели овладеть их историографическим богатством. В то время им было еще не под силу выделить из ленинизма все то, что непосредственно относится к области исторической науки, так как для этого нужна была огромная научно-исследовательская работа над самими трудами В. И. Ленина, их углубленное и систематическое изучение. С другой стороны, в те годы еще имела хождение пущенная врагами ленинизма легенда о том, что В. И. Ленин якобы не уделял должного внимания разработке марксистской теории. Эта легенда сохраняла свою живучесть потому, что, с одной стороны, в первые годы Советской власти на теоретическом фронте подвизалось, как это будет показано ниже, значительное количество бывших меньшевиков, многие из которых в той или иной форме поддерживали эту злонамеренную клевету на великого вождя; с другой стороны, были такие большевики, которые тоже нередко изображали В. И. Ленина лишь как выдающегося практика. Так, в 1922 г. в одном из номеров философского и общественно-экономического журнала «Под знаменем марксизма» в небольшой редакционной статье, посвященной Собранию сочинений В. И. Ленина, категорически заявлялось: «Н. Ленин ни одного слова не прибавил к Марксу, но он научил понимать его и его теорию превращал в могучее оружие пролетарской революции»⁴. Эта небольшая цитата дает ключ объяснения того поразительного факта, что на страницах этого журнала вплоть до 1924 г. имя В. И. Ленина почти не встречается.

Подобного рода утверждения можно встретить и в других изданиях тех лет: «Обладая громадными теоретическими знаниями,— читаем в одной из статей М. С. Ольминского,— тов. Ленин, по всей своей природе, не теоретик, а практик»⁵. «Марксизм,— писал П. Н. Лепешинский,— относится к ленинизму не как теза к антитезе, а как теория к практике,

⁴ «Под знаменем марксизма», 1922, № 4, стр. 129.

⁵ «Пролетарская революция», 1924, № 3, стр. 28.

как статика к динамике, и, действительно, стало уже ходячим мнением, что ленинизм, это — тот же марксизм, только в применении его к практике революционного действия, марксизм — в обстановке начавшейся реализации конечных целей пролетарской борьбы; ленинизм, это — марксистская стратегия, перенесенная, так сказать, на поле сражения, где идут уже жестокие и решительные бои между давнишними классовыми врагами»⁶. Оценку В. И. Ленина как «величайшего практика-революционера наших дней» можно встретить и в работах М. Н. Покровского⁷. Характерно, что последний в опубликованном в 1923 г. курсе лекций по русской историографии ни единым словом не обмолвился о Ленине и его вкладе в историческую науку. Если мы припомним, что М. Н. Покровский тогда стоял во главе исторического фронта, М. С. Ольминский возглавлял Истпарт, П. Н. Лепешинский также занимал видное место на историческом фронте, то станет ясно, что приведенные выше цитаты имеют значение для уяснения положения на историческом фронте в целом.

Было бы совершенно неверно пытаться усмотреть в этих цитатах хотя бы намек на антиленинские настроения руководителей исторического фронта этого периода. Все они были преданные революционеры и многолетние соратники В. И. Ленина по борьбе. Их позиция в эти годы всецело объяснялась недостаточно глубоким проникновением в содержание ленинских трудов. Когда же им удалось более основательно изучить эти труды, тогда именно они выступили застрельщиками в борьбе за утверждение ленинской исторической концепции в советской исторической науке.

Анализируя состояние исторического фронта в целом, никоим образом нельзя упускать из виду то обстоятельство, что в первые послеоктябрьские годы в ряде научных учреждений, являвшихся центрами советской исторической науки, имелось довольно много лиц, еще недавно находившихся в стане врагов ленинизма. Речь идет о тех бывших меньшевиках, которые лишь накануне Октября, а иные еще позднее вступили в большевистскую партию, некоторые же вообще оставались вне ее рядов. Бывшие меньшевики составляли почти половину членов Социалистической академии. Среди них были Суханов, Рязанов, Стеклов, Ларин, Ерманский, Вельтман и другие. Несколько позднее членами Социалистической, а затем и Коммунистической академии стали бывшие меньшевики: Аксельрод (Ортодокс), Горев, Мартынов и другие. Среди ее членов находились и такие лица, как Богданов и Базаров, критике махистских взглядов которых В. И. Ленин посвятил в 1908 г. свою знаменитую книгу «Материализм и эмпириокритицизм».

Деятельность этих лиц не могла не осложнять процесса становления как исторической науки, так и других общественных наук на методологической основе ленинизма. Ведь даже те из них, которые в политическом плане честно и искренне порвали с меньшевизмом, не могли тотчас же стать ленинцами в области теории хотя бы потому, что в течение многих лет вели борьбу с ленинизмом. Требовалось какое-то время, чтобы они могли окончательно освободиться от меньшевистского груза в области теории и стать поборниками ленинского учения. Но, как показало время, к этому стремились далеко не все. Иные, формально порвав с меньшевизмом, в действительности продолжали по-прежнему считать своим духовным отцом Г. В. Плеханова. Именно их имел в виду Е. Ярославский, когда говорил на философской дискуссии 1930 г.: «Ведь мы пережили такое время, это было тоже в 1921 году, когда я в Институте Маркса и Энгельса слышал от некоторых товарищей, что кабинет Пле-

⁶ «Пролетарская революция», 1924, № 2, стр. 5—6.

⁷ См., например, М. Н. Покровский. Очерки русского революционного движения XIX—XX вв. М. 1924, стр. 32.

ханова нужно организовать, но кабинет Ленина... тут разводили руками: ну, можно отвести уголок в кабинете Плеханова и для Ленина»⁸. Рязанов, который стоял во главе Института Маркса и Энгельса, заявил на общем собрании членов Коммунистической академии 17 апреля 1924 г.: «Я не большевик, я не меньшевик и не ленинист. Я только марксист и как марксист — я коммунист»⁹. Не может быть забыта и богдановщина, и сухановщина, и рязановщина. Выставляя себя ортодоксальными марксистами, многие из этих лиц своей практической деятельностью тормозили проникновение ленинизма в общественные науки.

Конечно, большевики, работавшие на теоретическом фронте, вели борьбу с меньшевистскими идеями. Но справедливость требует признать, что далеко не всегда враждебные ленинизму меньшевистские идеи получали отпор со стороны тогдашних историков. Больше того, некоторые видные работники теоретического фронта иной раз сами бывали отнюдь не на должной высоте. Так, И. И. Скворцов-Степанов счел для себя возможным в соавторстве с Богдановым издать курс политической экономии, в котором была воспроизведена, в сущности, богдановская схема исторического процесса, изложенная впервые Богдановым еще в конце прошлого века. Видный советский историк В. И. Невский в 1928 г. писал о двенадцатитомнике Рожкова, что автор «нигде в своей работе не отклоняется от путеводной нити учения Маркса, нигде не становится эклектиком, а всюду остается историком и социологом-марксистом, стало быть, материалистом-монистом, признающим закономерность общественных явлений»¹⁰. Не встретило отпора и заявление Рязанова, которое было приведено выше.

Наконец, характеризуя положение на историческом фронте в первые годы Советской власти, нельзя сбрасывать со счетов то влияние, которое оказывали на него будущие главари антиленинской оппозиции в партии Троцкий, Каменев, Зиновьев, Бухарин, Преображенский и др. Хотя в организационном плане эти лица тогда не представляли единой группы и расходились между собой по многим теоретическим вопросам, тем не менее все эти лица можно рассматривать как нечто единое, поскольку все они так или иначе уже в эти годы принимали значение ленинского вклада в марксистскую теорию и извращали марксизм-ленинизм. Широко афишируя себя в качестве соратников В. И. Ленина, они стремились захватить в свои руки все участки теоретического фронта, выпускаемая многочисленными книгами по теории и истории большевизма, по истории Великого Октября и другим проблемам. В силу того высокого положения, которое занимали тогда в нашей партии и в государственном аппарате эти лица, их книги широко распространялись в партийной среде и оказывали большое влияние на трактовку многих и многих теоретических вопросов. Между тем в своих книгах они часто извращали ленинизм, выдавая за ленинизм свою субъективную стряпню.

Было бы несправедливо замолчать тот факт, что историки-марксисты уже в эти годы вели борьбу против троцкизма. Так, М. Н. Покровский в 1922—1923 гг. опубликовал целую серию статей, направленных против исторической концепции Троцкого, которая была изложена им в предисловии к «1905 году». Однако, раскрыв научную несостоятельность выдвинутой Троцким концепции внеклассового происхождения самодержавия, М. Н. Покровский сам неверно охарактеризовал его как политическую организацию торгового капитала. Совокупное влияние изложенных выше обстоятельств обусловило тот факт, что в первые годы развития советской исторической науки тогдашние историки, от маститого

⁸ «Вестник Коммунистической академии», 1930, кн. 40—41, стр. 125.

⁹ «Вестник Коммунистической академии», 1924, кн. 8, стр. 392.

¹⁰ А. Н. Рожков. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Т. 1. М. 1928. Предисловие.

ученого М. Н. Покровского до только еще начинавшей свой долгий и плодотворный путь в науке молодежи, не освоили еще того огромного историографического богатства, которое заключали в себе труды В. И. Ленина. Ни ленинская историческая концепция в целом, ни многочисленные высказывания В. И. Ленина, посвященные отдельным историческим проблемам, еще не были достаточно изучены и выделены из всеобъемлющего ленинского учения в особую составную часть, имеющую самостоятельное значение. Именно поэтому историки оказались под влиянием исторической концепции М. Н. Покровского. М. Н. Покровский был профессиональным историком, известным в партии еще задолго до Великой Октябрьской социалистической революции. Особенно широкую известность ему принесла «Русская история с древнейших времен» в пяти томах, вышедшая в 1909—1912 гг., и первый том «Очерка истории русской культуры», изданного накануне первой мировой войны. И в том и в другом труде М. Н. Покровский дал систематическое изложение своей исторической концепции, и, чтобы уяснить ее содержание, от читателей не требовалось никакой предварительной работы. В 1920—1923 гг. М. Н. Покровский еще более облегчил задачу усвоения своей концепции, издав талантливо написанную книгу «Русская история в самом сжатом очерке», где эта концепция приобрела наиболее законченный вид. Крупными мазками, ярко, выпукло и увлекательно излагал ее М. Н. Покровский и в других своих работах. Если принять во внимание также, что М. Н. Покровский был хорошо известен тогдашним работникам теоретического фронта как один из старейших членов партии, принимавший активное участие в революции 1905—1907 гг., а также в установлении Советской власти в Москве, как один из руководителей Наркомпроса, как руководитель Социалистической академии, Института красной профессуры и других учреждений, имевших прямое отношение к развитию исторической науки, то нетрудно понять, почему именно труды М. Н. Покровского по русской истории в той обстановке рассматривались историками в качестве первых кирпичей, составляющих фундамент советской исторической науки. Именно труды М. Н. Покровского оказывали наиболее значительное влияние на процесс формирования советской исторической науки, определяя направление и проблематику научно-исследовательской работы, подготовку профессиональных кадров для молодой науки, характер борьбы против буржуазной и мелкобуржуазной историографии.

По сравнению с теми концепциями, которые были созданы буржуазной и мелкобуржуазной историографией, историческая концепция М. Н. Покровского означала огромный шаг вперед. Она в общем отражала пролетарский взгляд на русскую историю. Поэтому ее утверждение в профессиональной советской исторической науке в начале 20-х годов было прогрессивным делом, отвечавшим жизненным интересам победившего класса. Однако М. Н. Покровский, создавая свои работы по русской истории в этот период, так же как и в дореволюционные годы, был убежден, что именно он прокладывает первую марксистскую борозду в русской историографии. Ни тогда, ни в первые послеоктябрьские годы М. Н. Покровский не имел достаточно ясного представления о ленинском вкладе в историческую науку. В 1924 г. он сам признавался, что до IX съезда РКП(б) (1920) он был знаком лишь с отдельными ленинскими работами¹¹. Не удивительно поэтому, что в трактовке таких важнейших проблем русской истории, как проблема феодализма, роль товарного производства и торгового капитала, генезис капитализма, сущность капиталистического способа производства, разложение феодализма, отмена крепостного права, освободительное движение и отдельные

¹¹ См. «Вопросы истории», 1962, № 3, стр. 34.

его этапы, предпосылки первой русской революции, империализм и особенности этой стадии капитализма в России, и в ряде других вопросов взгляды М. Н. Покровского не соответствовали тому, что писал об этом В. И. Ленин.

Характерно, что в работах, вышедших из-под пера М. Н. Покровского до 1923 г., крайне редко можно встретить упоминание о ленинских трудах. То же самое можно сказать и о книгах других историков.

Факт недооценки историографического значения ленинских трудов историками в первые годы Советской власти не раз отмечался в нашей литературе. «Изучение чрезвычайно глубоких ленинских указаний о том, что и как должны изучать большевистские историки, если они хотят быть активными борцами за дело социализма,— говорила А. М. Панкратова в 1934 г.,— однако, долгое время не ставилось во главу угла научно-исследовательской работы наших историков. Не только все работы Ленина не рассматривались как неисчерпаемый по своему богатству материал, помогающий разработке нашей исторической методологии, но и такие крупнейшие подлинно научные исторические исследования, как «Что такое «друзья народа»...», «Развитие капитализма в России», «Что делать?», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» и многие другие, не изучались как исторические произведения и зачастую рассматривались как временного характера публицистические выступления»¹².

Признаки перелома на фронте советской исторической науки стали появляться примерно с середины 20-х годов. Само собой разумеется, что это произошло не вдруг, ибо в науке, как и в жизни, ничего не происходит внезапно, а назревает постепенно, незаметно, шаг за шагом.

Из того, что мы говорили выше, отнюдь не следует, что в 1917—1923 гг. советские историки вовсе не были знакомы с трудами В. И. Ленина. Абсурдность подобного предположения очевидна. Прежде всего мимо историков не могло проходить то, о чем писал или говорил В. И. Ленин в своих многочисленных докладах и речах непосредственно в эти годы, так как все это публиковалось в газетах, а многое, кроме того, издавалось отдельными брошюрами. Работы же, относящиеся к этим годам, составляют почти треть томов четвертого издания ленинских сочинений. Кроме того, не может быть сомнения в том, что если не все, то, во всяком случае, очень многие историки знакомы и с теми из ленинских работ, которые были написаны в дореволюционные годы, особенно после 1920 г., когда в соответствии с решением IX съезда РКП(б) стали выходить тома первого издания Сочинений В. И. Ленина. В Институте красной профессуры многие из этих работ изучались на семинарских занятиях. Все это, конечно, не могло не оставить определенного следа в сознании историков. Однако, начиная с 1924 г., их работа по изучению ленинских трудов стала приобретать с каждым годом все более широкий размах, так как после смерти В. И. Ленина они так же, как и философы, экономисты, юристы, активно участвовали в пропаганде ленинского идейного наследия. 26 января 1924 г. II Всесоюзный съезд Советов принял специальное решение, в котором была поставлена задача издания Полного собрания сочинений В. И. Ленина. В этом решении говорилось: «Лучшим памятником Владимиру Ильичу Ленину будет широкое массовое распространение его сочинений, которое сделает идеи коммунизма достоянием всех трудящихся»¹³. Для собирания, издания и пропаганды ленинского литературного наследия было решено создать Институт Ленина. XIII съезд РКП(б), объявив об открытии Института Ленина, поставил перед ним задачу подготовить «вполне научное

¹² «Вестник Коммунистической академии», 1934, кн. 4, стр. 66.

¹³ «Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства». 1924, № 28, ст. 270.

и самое тщательное издание Полного собрания сочинений Ленина». Вместе с тем съезд возложил на институт подготовку «ленинской библиотеки» для более широких масс рабочих из избранных произведений В. И. Ленина на языках всех народностей, населяющих СССР. XIII съезд указал, что Институт В. И. Ленина должен явиться «базой изучения и распространения ленинизма среди широких партийных и беспартийных масс»¹⁴. В соответствии с этими решениями, еще прежде чем было завершено первое издание, развернулась подготовка ко второму, а затем и третьему изданию ленинских сочинений. Кроме того, с каждым годом получала все более широкий размах пропаганда марксизма-ленинизма через партийную прессу. Все эти проводившиеся по инициативе ЦК Коммунистической партии мероприятия открывали для историков, так же как и для работников идеологического фронта вообще, широкие возможности для овладения ленинским наследством.

После смерти В. И. Ленина оживилась антипартийная оппозиция. Сначала против ленинского курса на построение социализма в одной стране выступил Троцкий и его немногочисленные сторонники. Позднее, в сущности, с той же «теорией» невозможности построения социализма в одной стране выступила «новая оппозиция» во главе с Зиновьевым и Каменевым, затем обе эти антипартийные группы объединились в троцкистско-зиновьевский оппозиционный блок, наконец, в 1928 г. против генеральной линии партии развернули борьбу правые уклонисты. Оппозиционеры, прикрываясь фальшивыми ссылками на В. И. Ленина и втихомолку извращая принципиальнейшие положения его учения, стремились навязать партии оппортунистическую политику, проведение которой неминуемо привело бы к реставрации капитализма в нашей стране. В соответствии со своими политическими установками они извращали не только теорию, но и историю большевизма, фальсифицировали историю Октябрьской революции, в кривом зеркале оппортунистической теории и практики показывали историю российского пролетариата и его героической борьбы, стремясь, таким образом, поставить историю себе на службу. В этой обстановке изучение ленинского наследства стало первостепенным делом всех работников теоретического фронта, в том числе и историков, так как лишь при этом условии можно было разоблачить истинный характер оппозиции, раскрыть ее действительные цели, показать жульнические приемы, к которым прибегали ее главари в толковании важнейших положений ленинизма, а также обнажить всю несостоятельность их псевдоисторических построений.

В процессе этой работы, по мере того, как в поле зрения историков попадал все более широкий круг ленинских трудов, в их сознании получал все более ясное очертания образ В. И. Ленина не только как великого вождя мирового пролетариата, но и как глубочайшего мыслителя, выдающегося ученого. Из многочисленных положений, касающихся самых различных научных проблем, в их сознании постепенно вырисовывалась ленинская концепция русского исторического процесса, а их мировоззрение приобретало все более цельный характер. Представляя дело так, что этот процесс захватил одновременно решительно всех историков, значило бы упрощать его. Однако не может подлежать сомнению, что изучением ленинского наследия стали заниматься не только историки, впервые испробовавшие свое перо еще во времена подполья, но и молодые кадры исторического фронта, численность которых с середины 20-х годов неуклонно возрастала. Это были в полном смысле слова историки новой формации, получившие широкую марксистскую подготовку в Институте красной профессуры. Питомцы ИКП оказались наиболее активной и деятельной частью работников исторического фронта. Их ря-

¹⁴ «ИПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. 1. 7-е изд., стр. 893—894.

ды из года в год росли. За период с 1924 по 1930 г. Институт красной профессуры выпустил 88 историков-марксистов¹⁵. Кроме того, на исторический фронт прибыла значительная группа выпускников из Института истории РАНИОН, которые тоже были основательно знакомы с работами Маркса, Энгельса, Ленина.

Более или менее ясное представление о переменах, происходивших на историческом фронте в течение второй половины 20-х годов, может дать динамика роста численности рядов Общества историков-марксистов, основанного в 1925 году. Первоначально оно насчитывало в своем составе 29 действительных членов и 11 членов-корреспондентов. Но уже через год с небольшим его ряды почти утроились, и на 1 января 1927 г. в Обществе состояло уже 72 действительных члена и 38 членов-корреспондентов. К началу 1929 г. количество действительных членов достигло 169, членов-корреспондентов—176¹⁶. На состоявшейся в конце 1928—начале 1929 г. Всесоюзной конференции историков-марксистов вместе с гостями присутствовало до 600 историков. Это позволило М. Н. Покровскому сделать вывод, что историки, стоявшие на позиции марксизма либо сочувствовавшие ему, составляли абсолютное большинство активно работавших историков, численность которых он определял примерно в 1 тыс. человек. Необходимо учитывать также неуклонный рост партийной прослойки среди историков. В 1929 г. в СССР (без Туркменистана и Узбекистана) среди них насчитывалось 229 членов и кандидатов в члены партии¹⁷. Несомненно, бурный рост рядов историков-марксистов, начавшийся с середины 20-х годов, открывал более широкие возможности для проникновения ленинских идей в профессиональную историческую науку, для уяснения значения В. И. Ленина не только как вождя, но и как историка.

Перемены во взглядах советских историков первым отразил М. Н. Покровский. По его предложению вопрос об изучении ленинизма был внесен в повестку дня общего собрания членов Коммунистической академии, которое состоялось 17 апреля 1924 года. В небольшом докладе, с которым выступил М. Н. Покровский по этому вопросу, он заявил: «...у Ленина была своя историческая концепция, был свой метод изучения общественных явлений, и это не только у одного Ленина, но это наложило печать и на всю ту группу, которая шла за Лениным. Несомненно, существует большевистская философия истории,— это несомненный факт, отличающий ее от меньшевистской трактовки истории»¹⁸. С точки зрения интересующего нас вопроса этот доклад представляется важной вехой не только в том смысле, что в нем М. Н. Покровский впервые сказал о В. И. Ленине как историке, создавшем свою историческую концепцию, но и в том отношении, что именно этим докладом он положил начало вполне сознательной и целеустремленной борьбе за освоение историографического наследия В. И. Ленина и широкое использование его в практике научно-исследовательской работы историков. Уже в следующем году, в речи на открытии Общества историков-марксистов, М. Н. Покровский подробно остановился на характеристике заслуг В. И. Ленина в области научной разработки русской истории. В конце речи он обратился с горячим призывом ко всем работникам исторического фронта стать историками-ленинцами. Еще через год, в 1926 г., он опубликовал в «Правде» статью «Маркс и Ленин как историки», в которой писал: «Ленин нам дал метод... в этом его великая заслуга как историка; воспользоваться этим методом—дело наше»¹⁹. В 1927 г.

¹⁵ «Борьба классов», 1931, № 8—9, стр. 23.

¹⁶ «Историк-марксист», 1929, т. 11, стр. 218.

¹⁷ «Большевик», 1929, № 13—14, стр. 69.

¹⁸ «Вестник Коммунистической академии», 1924, кн. 8, стр. 389.

¹⁹ М. Н. Покровский. Историческая наука и борьба классов. Вып. II. М.-Л., 1933, стр. 265.

М. Н. Покровский в большой статье «Октябрьская революция в изображении современников» предпринял попытку изложить ленинскую концепцию истории Великого Октября, противопоставив ее антимарксистской схеме Троцкого. Этой статьей М. Н. Покровский внес существенные поправки в собственную трактовку некоторых вопросов истории Октябрьской и Февральской революций, которые ошибочно освещались им в ранее опубликованных работах. Через год М. Н. Покровский выступил с большим докладом «Ленинизм и русская история» на I Всесоюзной конференции историков-марксистов. Одновременно с этим М. Н. Покровский в ходе повседневной работы в Институте красной профессуры, Коммакадемии, Наркомпросе и других учреждениях постоянно призывал историков к изучению ленинского наследства. Таким образом, в середине 20-х годов именно М. Н. Покровский, претворяя в жизнь линию партии в области идеологической работы, возглавил борьбу за внедрение ленинизма в советскую историческую науку.

Широкую деятельность в том же направлении развернули В. А. Быстрянский, издавший в 1925 г. брошюру «Ленинизм в истории. Историзм в ленинизме», Ем. Ярославский, В. И. Невский, А. В. Шестаков, В. В. Адоратский, М. С. Ольминский и многие другие. Эта деятельность передовой части историков, успевших раньше других проникнуть в суть историографического богатства литературного наследства В. И. Ленина, безусловно, способствовала не только разворачиванию работы по овладению ленинизмом остальными историками, но и разработке конкретных исторических проблем с позиций марксистско-ленинской методологии. Целенаправленная деятельность этих лиц как бы ускоряла перелом на историческом фронте, который закономерно осуществлялся как непосредственный результат объективного хода развития советской исторической науки. Об этом переломе красноречиво говорят выходившие тогда книги, в особенности по русской истории. В отличие от прежних лет в это время сравнительно редко можно было встретить историческое исследование, в котором не упоминалось бы имени В. И. Ленина. В подавляющем же большинстве книг, статей и брошюр страницы пе­стрят ссылками на его сочинения, которые уже тогда для многих и многих историков стали методологической основой их научно-исследовательской работы.

Это сказалось прежде всего на научной проблематике исследований. Профессиональные исследователи вышли далеко за рамки истории Великого Октября, хотя эта проблема по понятным причинам продолжала занимать центральное место в научно-исследовательской работе и в эти годы. Теперь в круг научных интересов наряду с историей Октября вошли многочисленные проблемы, связанные с историей первой русской революции, с периодом столыпинской реакции, с революционным подъемом накануне первой мировой войны, с историей революционной борьбы XIX—XX вв., с историей возникновения и развития большевистской партии, и ряд других проблем. В связи с празднованием X годовщины Великого Октябрьской социалистической революции была создана обширная литература по ее истории, в том числе «Очерки по истории Октябрьской революции» в двух томах под редакцией М. Н. Покровского, а также серия документальных сборников и других материалов.

Еще более глубокое впечатление, чем ее масштабы, производит идейное содержание научно-исследовательской работы тех лет. Конечно, нынешний историк, исходя из современного уровня нашей науки, без особого труда найдет в любой из выходивших тогда книг немало ошибок, которых далеко не всегда можно было избежать в те годы хотя бы потому, что многие из исследователей являлись, по сути дела, пионерами в разработке той или иной проблемы. К тому же с тех пор историческая

наука далеко продвинулась вперед во всех отношениях. Однако такие принципиально важные вопросы, как характер и движущие силы революции 1905—1907 гг., сущность Советов рабочих депутатов, историческое значение декабрьского вооруженного восстания в Москве, сущность Столыпинской аграрной реформы, роль рабочего класса в русской революции, значение союза рабочего класса и крестьянства для победоносного исхода русской революции, природа большевистской партии и ее место в международном пролетарском движении, характер Великой Октябрьской социалистической революции, сущность диктатуры пролетариата и многие другие, уже тогда ставились нередко глубоко, творчески, с ярко выраженным желанием решать эти вопросы в соответствии с ленинской их трактовкой.

Непосредственным результатом этого сдвига в области идейного содержания научной работы историков явилось усиление действенности их борьбы против буржуазной и в особенности против мелкобуржуазной историографии, вытеснение из советской исторической науки меньшевистско-троцкистских и правооппортунистических идей, проникших в нее в предшествующие годы. Уже в эти годы была полностью вытеснена из советской историографии пресловутая «теория» перманентной революции, преодолено влияние сухановской теории стихийности, разоблачена троцкистская сущность концепции истории Октябрьской революции Шляпникова и т. д. В исторической литературе прочно утвердилась ленинская теория перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, ленинская теория пролетарской революции, ленинская концепция Великой Октябрьской социалистической революции.

Эти бесспорные сдвиги на историческом фронте далеко не с одинаковой силой охватили все участки исторической науки. Влияние ленинского наследия больше всего было заметно в работах, посвященных истории трех революций, проблемам истории партии, революционного движения XX в.— словом, проблематике, связанной с историей последних предреволюционных десятилетий. Научная литература, посвященная различным проблемам более ранних периодов русской истории, испытала гораздо меньшее влияние ленинских идей: в освещении проблематики древних периодов оно почти не чувствовалось вовсе; так, ленинское понимание русского феодализма почти никак не отразилось в литературе второй половины 20-х годов. Это объясняется тем, что большая часть историков-марксистов сосредоточила свои научные интересы в силу известных причин в первую очередь на разработке историко-революционной проблематики. Вместе с тем нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что общеисторическая концепция М. Н. Покровского продолжала и в эти годы занимать прочные позиции на историческом фронте. Правда, целый ряд положений этой концепции, касающихся трактовки предпосылок революции 1905—1907 гг., характеристики роли в ней рабочего класса, либеральной буржуазии, кулачества и т. п., а также определения характера Февральской революции и ее перерастания в Октябрьскую революцию, были пересмотрены М. Н. Покровским и изложены в основном в соответствии с ленинской трактовкой этих проблем. Но эти поправки не затронули тех положений, в которых содержалось толкование русской истории с древнейших времен до конца XIX века. Эта часть концепции М. Н. Покровского оставалась неизменной до конца 20-х годов. Но в эти годы он стал настойчиво отождествлять ее с ленинской концепцией русского исторического процесса²⁰.

²⁰ «Та схема, та концепция русской истории,— говорил он в докладе «Ленинизм и русская история»,— которую сейчас называют марксистской и которую иногда делают мне честь связать с моей скромной личностью,— эта концепция Ленина, а не моя» (М. Н. Покровский. Историческая наука и борьба классов. Вып. II, стр. 274).

Если мы учтем, что авторитет М. Н. Покровского среди историков был тогда очень велик, то без труда поймем, какие последствия имело такое отождествление. Подобными заявлениями М. Н. Покровский как бы указывал историкам, под каким углом зрения они должны были воспринимать ленинские положения, касающиеся характеристики феодальной эпохи, товарного производства, торгового капитала, сущности самодержавия и т. п., побуждая их отыскивать пути к примирению этих положений с соответствующими положениями самого М. Н. Покровского или попросту не придавать им значения, если достигнуть такового примирения было нельзя. Попытки увязать точные и ясные ленинские положения по этим вопросам с противоречащими им формулировками М. Н. Покровского часто встречаются на страницах многих исследований, выходящих в те годы.

Преодолевая все преграды, ленинские идеи с неудержимой силой овладевали историческим фронтом. Силу их влияния наглядно продемонстрировали происходившие в конце 20-х годов дискуссии о народничестве и общественно-экономических формациях. Под лозунгом борьбы за овладение ленинским наследством прошла I Всесоюзная конференция историков-марксистов. С ее трибуны прозвучал решительный призыв ко всем историкам-марксистам «расстаться со старыми «профессорскими» привычками и помнить, что, при всей важности академической выдержанности наших писаний, образцом для нас должны быть не знаменитости академического мира, всегда являвшиеся прислужниками эксплуататорских классов и в самом лучшем случае искавшие в «объективности» убежища от политики, но ученые-революционеры, типом которых в нашей стране являлись в старые годы Чернышевский, а в новейшее время — Ленин, сделавшие для понимания русского исторического процесса больше, нежели все обладатели всех исторических кафедр всех российских университетов»²¹.

И пусть ленинская концепция исторического процесса еще была не до конца усвоена тогдашними историками, пусть она еще не получила систематического изложения в учебниках и других обобщающих трудах, пусть еще не были преодолены до конца все чуждые ленинизму влияния в советской историографии, но в течение второй половины 20-х годов советская историческая наука все же восприняла очень многое из богатейшего историографического наследия В. И. Ленина. Советские историки в эти годы приступили широким фронтом к освоению научной методологии величайшего мастера исторического анализа. Но самое главное состоит, пожалуй, в том, что в эти годы советские историки, по крайней мере в лице передовой их части, осознали невозможность плодотворного развития исторической науки без самого тщательного изучения всего того, что вышло из-под пера В. И. Ленина за все 30 лет его неутомимой деятельности, без всестороннего овладения всем огромным историографическим богатством ленинского литературного наследия.

Таким образом, если Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало ленинскому этапу в исторической науке, то вторую половину 20-х годов, по нашему мнению, следует считать временем, когда произошло оформление ленинского этапа в более узком, так сказать, профессионально-историческом смысле. С тех пор и поныне в советской исторической науке с каждым годом все шире и полнее раскрываются черты ленинского этапа, знаменующего торжество марксизма-ленинизма в профессиональной историографии.

²¹ «Историк-марксист», 1929, т. 11, стр. 231.